

## ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ МИССИОНЕРСКОГО МУЗЕЯ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

*E. Э. Лобачёва*

Создание музея миссионерского отделения в Казанской духовной академии было обусловлено практическими задачами геополитики Николая II, который учитывал этнический и конфессиональный факторы в управлении государством. Одним из основных направлений геополитических планов самодержца являлось расширение Империи на юго-восток, постепенное присоединение Тибета и Монголии<sup>1</sup>.

Миссионерский историко-этнографического музея (МИЭМ) Казанской духовной академии был организован в 1912 г. при библиотеке рассматриваемого учреждения и официально открыт в 1913 г. в соответствии с указом Св. Синода от 9 января 1913 г.<sup>2</sup> Его создали на базе собрания предметов этнографии, археологии, палеонтологии и нумизматики. Данные коллекции оказались в библиотеке, став частью её фонда после расформирования мюнц-кабинета, кабинета редкостей и кабинета натуральной истории, функционировавших в Казанской академии в 1848–1870 гг. в качестве учебно-вспомогательных подразделений. В основе создания музея лежал иллюстративно-тематический метод, который заключался в демонстрации книжного материала с помощью имеющихся и формирующихся коллекций. С 1913 г. музей являлся учебно-вспомогательным учреждением для студентов Миссионерского отделения, с 1915 г. — для слушателей Миссионерских курсов при Спасо-Преображенском монастыре г. Казани.

Музей, как хранилище памятников истории, материальной и духовной культуры, представлял собой самостоятельное структурное подразделение Академии, осуществляющее образовательную, научно-исследовательскую и научно-просветительскую деятельность. Вместе с тем, как любое музейное учреждение, данная структура академии организовывала массовую работу со студентами.

Для музея был выделен штат сотрудников, который и занимался фондообразовательной, хранительской, образовательной и просветительской работы. Обозначенные направления деятельности контролировал комитет, в состав которого в 1912–1914 гг. по определению Совета КазДА входили: директор музея, профессор Н. Ф. Катанов и члены — профессора В. А. Керенский, И. М. Покровский, М. А. Машанов и Л. И. Писарев. Функции делопроизводителя выполнял М. Г. Иванов<sup>3</sup>.

Деятельность музея была направлена на обеспечение учебного, научного и культурно-просветительского процесса Миссионерского отделения и подготовку высококвалифицированных кадров миссионеров. Первый пункт его «Правил» гласил: «Музей имеет преследовать учебно-вспомогательные цели обоих разрядов миссионерского отделения Академии — татарского и монгольского, а потому в нём должны находиться как вещи, характеризующие религию и внешний быт народностей татарского и угорского, монгольского и калмыцкого корня, так и снимки с такого рода вещей, а равно и книги, изданные в разное время, как с целью описания

религии и быта упомянутых народностей, так и с целью духовно-нравственного просвещения их, т. е. книги научные, историко-этнографического характера и труды переводчиков-миссионеров»<sup>4</sup>.

Отвечая своему назначению, музей действительно вскоре стал научно-просветительским центром изучения Востока в Казанской академии. Первоначально приоритет в развитии отечественного востоковедения принадлежал Казанскому университету, где в 1807 г. состоялось открытие Восточного разряда для изучения истории, культуры и языков народов Востока. Среди преподавателей были известные востоковеды Х. Д. Френ, Ф. И. Эрдман, А. К. Казем-Бек, И. Н. Березин, И. Хальфин, М. Г. Махмудов и др. После перевода Восточного разряда в 1855 г. в Петербургский университет центром изучения Востока стала Казанская духовная академия, вновь открытая в 1842 г. Таким образом, была обеспечена преемственность востоковедения в Казанском крае.

Миссионерский музей являлся учебно-научной базой для подготовки миссионеров. Продолжая традиции русских этнографов и антропологов XVIII – начала XX вв., он способствовал изучению культурного наследия народов России. Его основными задачами были изучение, приумножение и использование исторических, культурных, научных ценностей и материалов, касающихся истории и этнографии народов Российской империи, популяризация этнографических знаний, научное исследование в области материальной культуры, духовной жизни, традиций, истории народов. Определяющим фактором их реализации стало обеспечение учебного процесса. Материалы из фондов музея были использованы при написании работ преподавателей, кандидатских диссертаций студентов названного миссионерского отделения.

Для реализации выше обозначенных задач музей осуществлял систематическую работу по комплектованию фондов, их учёту, научной обработке и хранению, руководствуясь инструктивными материалами, составленными Советом КазДА в дополнение к «Правилам». Основным критерием отбора предметов в фонд являлись их подлинность и научная ценность. Эти предметы отражали традиции и нормы, опыт поколений, исторические изменения и преемственность в культуре разных народов. В работе по сбору экспонатов, материалов, их использованию участвовали студенты Академии, её преподаватели и сотрудники, а также слушатели Миссионерских курсов.

Музей за достаточно короткий срок (1912–1919) стал полноценным культурно-образовательным центром миссионерского отделения КазДА. Заслуга в этом его бессменного директора — доктора сравнительного языкознания, профессора Миссионерского отделения КазДА, тюрколога, этнографа, фольклориста, первого хакасского учёного Николая Фёдоровича Катанова (1862–1922). О Н. Ф. Катанове написано немало работ. Тем не менее его многообразная, научная и творческая деятельность ещё не оценена потомками в полной мере. Это касается и его деятельности, связанной с означенным музеем, для которого директор был всем: создателем, организатором, благотворителем. Характеризуя Н. Ф. Катанова в должности директора МИЭМ, его коллеги отмечали: «Кто близко интересовался и интересуется состоянием и образованием только что открытого Академического музея,

тот хорошо знает, сколько сумел сделать Н. Ф-ч при его любви к делу, трудолюбии и сообразительности в самое короткое время. В настоящем виде Академический музей можно оценить не в одну тысячу рублей, хотя на него затрачено пока только 700 руб., включая в то число личные средства Н. Ф-ча. В “своём” музее Н. Ф-ч работает как миссионер-практик, и как ученый-этнограф, и как опытный археолог и знаток восточных древностей и культа инородцев, и как нумизмат, и, наконец, как простой служитель. Нередко все утренние часы занятий в Академической библиотеке, при которой находится музей, он проводит в черновых работах с молотком и пыльным полотенцем в руках<sup>5</sup>. Согласно п. 4. «Правил МИЭМ», в обязанности директора входило: «...ведение всех письменных работ по Музею, как-то: каталогизация, регистрация и описание вещей, снимков и книг и пр., а равно забота о приобретении с ведома и разрешения Комитета означенных вещей, снимков и книг и устройство заседаний Комитета»<sup>6</sup>.

Ко времени создания академического музея Николай Фёдорович имел большой опыт музейной деятельности, в том числе организаторский. С его именем связано учреждение Музея общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете. Н. Ф. Катанов являлся одним из основоположников Казанского городского музея, в 1906–1917 гг. — бессменным директором его историко-этнографического отдела, в 1914–1917 гг. — директором городского музея<sup>7</sup>.

Во многом благодаря Катанову музей КазДА обрел ту известность, которая стала причиной активного формирования его фондов. Вероятно, большую роль в этом сыграл и тот факт, что директор музея в эти годы являлся также председателем Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (1896–1914)<sup>8</sup> — научном объединении, хорошо известном не только в России, но и далеко за её пределами.

Музей исторического профиля, в фонде которого превалировали этнографические материалы, исходя из общей направленности, помогал в подготовке миссионеров и сопровождении миссионерской работы. Поэтому в ходе комплектования музеиного фонда первостепенное значение уделялось предметам этнографии, отражавшим историю, культуру, обычай, традиции и быт народов регионов, охваченных деятельностью миссионеров.

Наряду с этим, в музее присутствовали и другие предметы и коллекции. Среди них — палеонтологическая и минералогическая коллекции, книги, изданные Православным миссионерским обществом и Великобританским библейским обществом и отдельными миссионерами для нерусских народов; нумизматическая коллекция: греческие, римские, китайские, золотоордынские, российские, персидские и турецкие монеты и медали; альбомы фотографических и фотоцинкографических снимков народов России, Монголии и Китая; коллекция буддийских идолов на полотне и бумаге, из папье-маше, терракота и бронзы; гипсовые бюсты государя-императора Александра II и писателя Н. В. Гоголя, 2 глобуса и капитель сложного композита русской архитектуры<sup>9</sup>.

Работой по комплектованию фонда МИЭМ руководил его бессменный директор Н. Ф. Катанов, который устанавливал временные и постоянные контакты с

лицами и организациями, которые либо доставляли, либо обладали предметами музейного значения. В «Журнале входящих бумаг директора историко-этнографического музея при КДА Н. Ф. Катанова» названо 58 лиц, передававших предметы в дар музею<sup>10</sup>. Среди них — церковные иерархи, священники-миссионеры, преподаватели, коллекционеры, краеведы, меценаты, преподаватели и студенты Казанской академии, сотрудники других музеев и прочие, а также мастерские, выпускавшие предметы народного потребления и изделия художественных промыслов<sup>11</sup>. В числе дарителей и поставщиков экспонатов — архимандрит Иннокентий (Ястребов), епископ Алексий (Молчанов), В. И. Иванов, священник Иаков Тихомиров, профессора КазДА И. М. Покровский, Н. Ф. Катанов, П. В. Знаменский, Е. А. Малов, М. Г. Иванов, архимандрит Гурий (Степанов), Н. В. Никольский, Г. А. Филиппов, доцент КазДА, иеромонах Амфилохий (Скворцов) и т.д.<sup>12</sup> В организации и создании музея приняли участие студенты Казанской академии: А. Б. Алексеев, иеромонах Вениамин, С. А. Добролюбский, П. И. Иванов, диакон М. И. Изгородин, Т. В. Кротков, В. И. Кузнецов, И. Д. Меркульева, Г. А. Попов, К. М. Протопопов, священник К. Н. Соколов, священник М. В. Соколов, Б. В. Фортунатов, протоиерей А. И. Яхонтов, практикант калмыцкого языка при Духовной академии А. П. Межуев<sup>13</sup>.

В соответствии с п. 6 и 7 «Правил» имена дарителей и посетителей музея заносились в специальные книги. При приёме пожертвований выдавались особые квитанции, подписанные директором музея. Имена православных жертвователей, передавших в музей особо ценные предметы, вносились в академический Синодик для поминования в храме. Книги для записи пожертвований и посетителей, как и инвентарные каталоги, пронумеровывались, прошнуровывались, скреплялись, припечатывались секретарем Совета КазДА и утверждались ректором Академии<sup>14</sup>.

Пополнения этнографических коллекций происходило также путём закупки. Например, в 1914 г. у А. П. Межуева за 25 руб. было куплено 14 калмыцких вещей (альбом видов, костюмы, чашка, трубка, лепешка, нагайка), у О. И. Шарашкинова — за 18 руб. 50 коп. 9 вещей ламайского религиозного культа (курильница, 7 медных чашек, медная лампадка, чётки, роговой лук, 2 стрелы и пр.). В 1915 г. студент Казанского университета Т. Борисов, вотяк по происхождению, продал музею за 40 руб. 12 «вотяцких вещей», собранных среди удмуртов летом текущего года в д. Кизеков Елабужского уезда Вятской губернии<sup>15</sup>.

Изначально миссионерский музей функционировал при фундаментальной библиотеке КазДА, выполняя иллюстративную функцию. В дальнейшем он стал самостоятельным подразделением Академии.

В то же время в целях обеспечения оперативности фондовской работы по атрибуции предметов была организована специальная вспомогательная библиотека, которая состояла из справочной литературы для занятий по этнографии и научной обработки музейных коллекций. Эта литература использовалась студентами Миссионерского отделения в качестве вспомогательного учебного материала и дополнения к экспозиции.

Особенность музейной библиотеки состояла в том, что, поработав с документами и получив информацию о каком-либо предмете, читатель имел возможность

ознакомиться непосредственно с интересующим предметом в экспозиционном зале. И наоборот, посетитель, заинтересовавшийся каким-либо предметом в экспозиции, мог найти подробности о нём в фонде библиотеки<sup>16</sup>. Таким образом, музейная библиотека позволяла посетителю музея получить полную информацию об изучаемом предмете с точки зрения как теории, так и практики.

Библиотека интенсивно пополнялась благодаря большому количеству жертвователей. Так, епархиальный миссионер, проповедник Уфимской епархии С. Матвеев передал в дар Музею 10 своих сочинений, преподаватель учительской семинарии М. Е. Евсеев — сочинение «Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии» и т.д.<sup>17</sup>

Доступ посетителей к музейному фонду обеспечивался в соответствии с «Правилами МИЭМ». Пункт 5 гласил: «Находящиеся в Музее вещи, снимки и книги никому в пользование на дом не выдаются, но фотографирование вещей и снимков и списывание с книг Музея с разрешения Директора Музея или членов Комитета предоставляется каждому с условием предоставления одного экземпляра копии вещи или снимка в собственность Музею»<sup>18</sup>.

Создание и функционирование миссионерского историко-этнографического музея играло ведущую роль в развитии востоковедения в Казанской академии. Музей способствовал сохранению истории культурных традиций, быта, прикладного творчества, этнографии народов Российской империи. Он являлся уникальной сокровищницей народной культуры, имеющей большое историческое значение в изучении Востока.

<sup>1</sup> Доклад историка Петра Мультатули на конференции «Император Николай II: государственный деятель, политик, семьянин (к 90-летию Екатеринбургской трагедии)» // Интерфакс-религии. 2008.

<sup>2</sup> НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11571. Л. 11.

<sup>3</sup> НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11358. Л. 12.

<sup>4</sup> НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11358. Л. 20 об.

<sup>5</sup> НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11571. Л. 11 – 11 об.

<sup>6</sup> НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11358. Л. 20 – 20 об.

<sup>7</sup> Назипова Г. Р. Казанский городской музей. Очерки истории 1895–1917 годов. Казань, 2000. С. 47.

<sup>8</sup> Сидорова И. Б. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете: основные этапы истории // Краеведческие среды. Казань, 2004. Вып. 4: Материалы заседаний, прошедших в НМ РТ в 2003 г. / под ред. Г. Р. Назиповой. С. 9.

<sup>9</sup> НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11358. Л. 12, 12 об.

<sup>10</sup> НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11528.

<sup>11</sup> Назипова Г. Р. Указ. соч. С. 146.

<sup>12</sup> НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11358. Л. 63.

<sup>13</sup> НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11528. Л. 12, 13, 14, 15, 16, 17 об., 18, 19–22, 24, 24 об., 27, 28.

<sup>14</sup> РГИА. Ф. 796. Оп. 194. Д. 345. Л. 6 об.

<sup>15</sup> НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11528. Л. 3, 6 об., 11 об.

<sup>16</sup> НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11358. Л. 12 об.

<sup>17</sup> НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11528. Л. 3 об., 4.

<sup>18</sup> НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 11358. Л. 20 об.